

*А. ПРОНИН,
матрос учебного судна „Народоволец“*

МАТРОСЫ В ОКТЯБРЕ

С первых дней февральской революции на всем острове Котлине власть гражданская и военная целиком находилась в руках Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Комиссар Временного правительства, член Государственной думы октябрист Пепеляев на пленарном заседании Кронштадтского Совета 16 мая заявил: «Я обезличен, власть целиком и безраздельно находится в руках вашего Совета, и мне в Кронштадте делать нечего».

О Пепеляеве Кронштадтский Совет не пожалел, а пожелал ему «счастливого пути» и на этом же заседании для болтовни с Временным правительством избрал своего комиссара. Избран был беспартийный депутат Кронштадтского артиллерийского полка интендант-прапорщик Парчевский. Так произошло пресловутое «отделение» несуществующей «Кронштадтской Республики» от Российской Республики.

После июльских событий кронштадтский гарнизон и рабочие, руководимые ЦК РСДРП(б) и Лениным, продолжали курс на мирное развитие революции, на мирный переход власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

С другой стороны, контрреволюционное выступление генерала Корнилова в августе месяце показало, что буржуазия постарается в ближайшее время разделаться с Советами Рабочих и Солдатских Депутатов, чтобы осу-

ществить свою полную диктатуру в стране с помощью эсеров и меньшевиков. У меня сохранились некоторые записи в дневнике, характеризующие деятельность кронштадтских большевиков перед октябрьскими днями и в ходе вооруженного восстания. Вот они.

Кронштадт, 20 октября 1917 года

Вечером на заседании исполкома Кронштадтского Совета был решен практически целый ряд вопросов, связанных с вооруженным выступлением кронштадтского гарнизона в Петроград.

Избранной из состава членов исполкома военно-технической комиссии поручалась организация и полное руководство вооруженным выступлением гарнизона и рабочих. В состав избранной комиссии вошел и я. Мне и товарищу Гредюшко,¹ а также левому эсеру Каллису и одному меньшевику было дано задание организовать непосредственную связь Кронштадтского исполкома с Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете. В наше полное распоряжение был предоставлен портовый быстроходный буксир «Ермак».

Нам исполком предложил немедленно, после заседания, отправиться в Петроград и в Военно-революционном комитете подробно выяснить время выступления кронштадтцев в Петроград для свержения Временного правительства.

По окончании заседания мы с соответствующими документами пошли на пристань и на буксире «Ермак» отправились в Петроград.

Петроград, 21 октября 1917 года

Ранним утром пристали к Смольнинской пристани и немедленно отправились в Смольный. Смольный напомнил растревоженный муравейник. Мы поняли, что про-

¹ Товарищ Гредюшко — член Кронштадтского исполкома и член Кронштадтского комитета РСДРП(б) расстрелян мятежниками в 1919 году во время неклюдовского мятежа на форту «Красная Горка». (Примеч. автора.)

исходят чрезвычайно важные политические события. Первой нашей задачей было найти кого-либо из ЦК РСДРП(б), чтобы выяснить интересовавший нас вопрос. Пробегав несколько минут по огромному зданию, мы убедились, что таким образом ничего не выясним. Посоветовавшись с тов. Гредюшко и другими, решил обратиться за справками наудачу в комендатуру, где один из товарищей, оказавшийся большевиком, сообщил мне номер телефона, по которому я из комендатуры и позвонил. Мне ответили немедленно и предложили явиться на Фурштадтскую улицу, дом № 19, в книгоиздательство «Прибой». Как выяснилось после, со мною по телефону говорил Я. М. Свердлов.

Не теряя ни минуты, мы с тов. Гредюшко отправились по предложенному адресу.

На Фурштадтскую улицу мы прибыли около десяти часов утра. У ворот дома № 19, направо в первом подъезде, позвонили. На звонок дверь открыла женщина лет тридцати пяти. Назвавшись делегатами Кронштадта, мы попросили провести нас в канцелярию книгоиздательства. Женщина открыла дверь и провела во второй этаж направо.

Комната, в которой нас просили подождать, представляла из себя нечто вроде библиотечного помещения: около стен шкафы с книгами, посередине большой письменный стол с тремя кожаными креслами вокруг, на столе электрическая лампа под зеленым абажуром.

Минут через десять после нашего прихода в комнату вошел товарищ Свердлов; поздоровавшись, он попросил нас сесть к столу.

Попросив разрешения доложить по существу порученного нам вопроса, мы заявили, что выступление кронштадтцев возможно по следующему варианту. В любое время, по распоряжению Военно-революционного комитета Петроградского Совета, на вооруженное выступление в Петроград для свержения Временного правительства Кронштадтский Совет может выслать около двух десятков тысяч человек, но одновременно такое количество людей перевезти нельзя за недостатком пловучих перевозочных средств. Сообразуясь с количеством имеющихся в нашем распоряжении пловучих средств, мы можем одновременно перевезти в Петроград в распоряжение Военно-революционного комитета Петроградского Совета десять — пятнадцать тысяч человек в следующем

составе: кронштадтские пехотные полки, составляющие стрелковые части, кронштадтские артиллерийские полки, составляющие стрелковые части, и несколько пулеметных и артиллерийских взводов, учебно-минный, учебно-артиллерийский отряды, машинная школа и учебные корабли, составляющие стрелковые части, несколько пулеметных артиллерийских взводов и специальный взвод гранатометчиков, предназначенный для уличных боев. Кроме того, имелся отряд Красной гвардии рабочих паровозного завода и минно-артиллерийских мастерских, составляющий стрелковую часть в две тысячи человек. В дополнение к сказанному. Кронштадтский Совет поручил нам узнать дату выступления кронштадтцев в Петроград для свержения Временного правительства.

Товарищ Свердлов, внимательно выслушав, заявил (привожу, пожалуй, чуть ли не полностью все его слова): «Выступать Кронштадту в данный момент не нужно. Будьте в полной боевой готовности и ожидайте особого распоряжения от Военно-революционного комитета из Смольного; имейте также в полной готовности морские перевозочные средства. Все сформированные вами для выступления части сохраните без изменения в полном боевом порядке».

Для нас разъяснение тов. Свердлова было совершенно ясным. Попрощавшись, мы немедленно отправились на пристань и на буксире «Ермак» вышли в Кронштадт.

Кронштадт, 22 октября 1917 года

Ясное солнечное утро. Кажется, за ночь слегка заморозило. Бурля водою, буксир останавливается у пристани. Направляемся в исполком, надеясь сейчас же осведомить президиум обо всем сказанном нам тов. Свердловым. Заседавший поздно вечером в тот же день исполком постановил: обратиться с воззванием от имени кронштадтских рабочих и гарнизона к рабочим и гарнизону Петрограда, призывая последних выступить с оружием в руках совместно с кронштадтцами для свержения Временного правительства. Редактирование воззвания поручалось мне (как представителю фракции большевиков), тов. Каллису (представителю фракции левых эсеров) и представителю фракции меньшевиков, фамилию которого не помню. Комиссии предлагалось собраться

рано утром и приступить к работе. Поздно вечером снова возвращаюсь в казарму, усталый, голодный и разбитый. Дружный храп спящих товарищей действует на меня заразительно. Не поужинав и не раздеваясь, ложусь на койку и засыпаю крепким сном.

Кронштадт, 23 октября 1917 года

Утром чувствую себя чрезвычайно плохо. В казарме холодно. Промокшие неразутые ноги здорово озябли, голова сильно болит от переутомления. Встаю с постели, закурываю махорку и начинаю прохаживаться по помещению, стараясь согреться.

На задаваемые товарищами по роте вопросы о поездке в Петроград и о политическом положении вообще отвечаю сначала неохотно. Затем незаметно беседа принимает оживленный характер, и я подробно рассказываю о предполагающихся важных событиях. Время проходит незаметно. Вот уже и десять утра. Немедленно собираюсь и отправляюсь в исполком для исполнения порученной мне накануне работы. Товарищ Каллис и меньшевик, оказалось, ждут меня уже с полчаса. Принялись за работу. Воззвание готово. В нем от имени кронштадтского гарнизона и рабочих обращаемся мы к рабочим и гарнизону Петрограда, призывая с оружием в руках выступить для свержения Временного правительства, обещая с своей стороны в этом всемерную поддержку и помощь. Члены комиссии поручают мне написанную листовку (воззвание) доставить в типографию «Известий Кронштадтского Совета» для отпечатания в срочном порядке тиражом в две тысячи экземпляров. Отправляюсь по поручению комиссии в типографию, где и вручаю листовку тов. Колбину¹ с предложением выполнить работу в возможно короткий срок. Остаток дня проходит в томительно тревожных ожиданиях. Из Петрограда получены сведе-

¹ Тов. И. Н. Колбин — матрос, большевик, член Кронштадтского комитета РСДРП(б), делегат береговой команды Учебно-минного отряда Балтийского флота в Кронштадтский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и член его исполкома. По поручению исполкома Совета тов. Колбин заведовал типографией газеты «Известия Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». (Примеч. автора.)

ния о полной готовности отдельных частей к выступлению против правительства, а также и о лихорадочной деятельности правительства, подготовляющего юнкеров и надежные части для подавления предполагаемого выступления. Вечером на заседании исполкома решаем послать в Смольный товарищей для получения точных сведений и, при необходимости, указаний. Исполком постановил не расходиться, а оставаться в полном своем составе в помещении Совета (Морском Собрании) в ожидании поступления из Смольного приказаний. После заседания мы все направляемся в столовую, пьем чай и беседуем до самого утра на тему о предстоящем выступлении.

Кронштадт, 24 октября 1917 года

Утром отправляюсь в типографию. Узнаю, что воззвание уже печатается. Странное настроение! Весь день чувствуется огромный подъем духа; усталости совершенно не ощущаю. Помещение Кронштадтского Совета переполнено. Все на ногах, все торопятся узнать, как обстоит дело в Петрограде и нет ли каких новостей. Президиум исполкома заседает, распределяя на случай выступления боевые поручения между членами исполкома. Работа чисто оперативного характера в целом возлагалась на военно-техническую комиссию, как главный боевой штаб гарнизона. Членом в комиссию вхожу и я; кроме того, мне поручается организация живой связи со Смольным.

Получаю сведения по телефону от товарища Колбина, что листовки готовы. Немедленно сообщаю об этом в президиум. Мне сейчас же дается поручение доставить листовку в Смольный.

Как уполномоченный по связи, получаю соответствующие документы и звоню командиру Кронштадтского порта генерал-лейтенанту Ермакову, которому приказываю от имени Кронштадтского исполкома приготовить буксир «Ермак». Ответ получаю удовлетворительный — буксир «Ермак» в полной готовности ожидает меня у Петровской пристани.

Совместно с тов. Каллисом идем в типографию, получаем листовку и отправляемся на пристань. Темная

октябрьская ночь. Под ногами шлепает грязь, тускло мерцают фонари на стенке Петровской пристани; вдали на рейде мрачно вырисовываются черные силуэты кораблей; слышно бурчание воды под винтом пристающего буксира; скрипит бон пловучей канцелярии порта, рабочие возятся на нем, перетаскивая на судно какую-то лебедку.

Заходим в канцелярию порта, чтобы получить ордер на буксир.

— Здравствуй, Пронин. Что, в Петроград отправляешься?

Повернувшись к говорившему, узнаю анархиста Ярчука, члена исполкома, возвратившегося из Смольного.

— Как дела, товарищ Ярчук, что нового в Петрограде и как дела в Смольном? — живо спрашиваю я его.

— Дела в Смольном обстоят великолепно. Но едва ли мы туда проберемся, так как мосты через Неву разведены и на них караул из юнкеров.

— Ничего, товарищ Ярчук, как-нибудь проберемся, и бояться я не боюсь, ведь до самой смерти ничего не будет, — отвечаю я шутливо Ярчуку и направляюсь к столу за получением ордера.

На «Ермаке» рулевой оказался расторопным парнем. Я передал ему сведения, полученные от Ярчука, и строго приказал: при прохождении под мостами на Неве не останавливаться, даже если с мостов будут окрики и выстрелы, а, наоборот, прибавлять ходу и двигаться всё время вперед. По дороге в Смольный ничего особенного не случилось, хотя последний мост действительно оказался разведенным. Пристаем не к пристани, а к барже с дровами. Карабкаемся наверх через дрова, вылезаем на стенку и бегом направляемся в Смольный.

В Ревкоме сдаем привезенную листовку и немедленно направляемся к товарищу Антонову-Овсеенко.

Нас принимают сейчас же. Товарищ Антонов, сидя за столом и нагнувшись над планом Петрограда, расставляет какие-то булабочки. Поздоровавшись с ним, я обратил внимание на его внешний вид: длинные рыжие волосы растрепаны и висят прядями, нос обострился, и как-то странно сидят очки на переносице.

— Вы из Кронштадта? — коротко спрашивает он нас.

Ответ с нашей стороны последовал утвердительный.
— Вы прибыли как раз вó-время. Кто из вас за старшего? Получай распоряжение!

Я подхожу к столу. Товарищ Антонов тычет пальцем в план Петрограда, показывая мне Неву и Зимний дворец.

— Кронштадтцы должны быть завтра к вечеру в Петрограде, пехоты не требуется, высадите морской десант с набережной и займите Зимний дворец. Кексгольмский полк будет помогать вам в этом с Дворцовой площади. «Авроре» сделано распоряжение встать на Неве против Зимнего дворца, и вы со своим десантом при высадке будете находиться под прикрытием ее пушек. Впрочем, всё это я вам изложу письменно.

Товарищ Антонов берет первый попавшийся клочок бумаги и карандашом начинает набрасывать приказание. Скрепив затем написанное личной подписью и приложив печать Ревкома, он подал бумажку мне со словами:

— Немедленно отправляйтесь в Кронштадт и действуйте так, как вам приказано.

Приняв бумажку и попрощавшись наскоро с товарищем Антоновым, быстро вышли мы из Смольного и направились на пристань.

«Ермак» поджидал нас у баржи на пристани в полной готовности. Прислуга держалась за борт баржи на крючках. Я отдал распоряжение рулевому немедленно отваливать.

— Полный вперед! — скомандовал рулевой в машину.

Забурлила вода за кормой от быстро завращавшихся винтов, и мы пошли обратно в Кронштадт. На обратном пути мосты через Неву оказались все разведенными.

Приблизительно на расстоянии десяти сажений перед последним мостом нас окликнули:

— Кто идет?

Рулевой ответил:

— Свои.

— Стой! — закричало с моста сразу несколько голосов.

— Полный вперед! — скомандовал рулевой в машину.

И «Ермак» нырнул под мост, проскочив его не более как в пять секунд. С моста раздалось несколько винтовочных выстрелов, с правого берега зачавкал пулемет;

слышно было, как прожжужало несколько пуль над «Ермаком». Одна шлепнулась в корму, но мы уже были далеко благодаря быстрому ходу, развитому буксиром. Стрелявшие из пулемета с правого берега, как видно, действовали наугад и в темноте безусловно не могли нанести нам какое-либо поражение. Пуля, шлепнувшаяся в корму, была из винтовки с моста. По приходе в Кронштадт, не медля ни минуты, высаживаемся и отправляемся в исполком.

Члены исполкома, оказывается, не расходились и ожидают нас в помещении Совета (Морском Собрании). Вследствие нашего прибытия заседание исполкома открывается сейчас же. Мне предоставляют слово для доклада в первую очередь. В кратких словах изложил я политическую обстановку в Петрограде и прочитал приказ Военно-революционного комитета, врученный нам товарищем Антоновым.

Дружные аплодисменты со стороны всего состава исполкома покрыли мои последние слова. Вопрос оказался настолько ясным, что обсуждать его совершенно не требовалось. Исполком занялся исключительно разработкой проекта выступления кронштадтского гарнизона. Посоветовавшись и приняв во внимание предложение более опытных товарищей, исполком постановил предложить военно-технической комиссии:

- 1) Немедленно собрать подготовленные боевые части, погрузить на минный заградитель «Амур», каковой на буксирах вытащить за стенку и затем под собственными парами отправить в Петроград к Зимнему дворцу.

- 2) Линейный корабль «Заря Свободы» вытащить с пристани и поставить в канале против станции Лигово для обстрела станции из восьмидюймовых орудий, — в случае наступления или передвижения правительственных войск на Петроград.

- 3) Погрузить из склада порта в баржу шестидюймовые снаряды для орудий «Авроры» и под буксиром отправить в Петроград в распоряжение «Авроры».

- 4) Товарищи Смирнов и Алешин и левый эсер Grimm назначаются членами морского революционного штаба, который должен находиться на «Амуре»; два члена штаба еще должны были прибыть туда из Смольного.

Заседание исполкома продолжалось недолго. По всем вопросам были вынесены соответствующие решения.

После заседания я, как член военно-технической комиссии, отправляюсь распорядиться погрузкой снарядов для «Авроры». Работа закипела лихорадочно.

Десант состоит из матросов машинной школы, матросов учебно-минного отряда, матросов учебно-артиллерийского отряда, матросов учебных и вспомогательных кораблей, матросов 1-го Балтийского флотского экипажа, матросов Кронштадтского полуэкипажа, солдат-артиллеристов 2-го Крепостного артиллерийского полка, солдат 1-го, 2-го и 3-го Крепостных пехотных полков, красногвардейцев паровозного завода и кронштадтских минно-артиллерийских мастерских. Невольно обращают на себя внимание прекрасно вооруженные и хорошо подобранные личные составы пулеметных и артиллерийских взводов, состоящих из солдат-артиллеристов 2-го Кронштадтского Крепостного артиллерийского полка.

Кронштадт, 25 октября 1917 года

Свежее октябрьское утро. На стенке пристани белеет выпавший за ночь снежок. На пристанях большое оживление.

Все выступающие команды вооружены боевыми винтовками, с громадным запасом патронов у каждого бойца.

Бодрое настроение замечается среди матросов. По стенке к сходам тащат несколько пулеметов и несколько трехдюймовых полевых орудий.

«Даешь Максима!», «Не поздоровится Керенскому!», «Даешь крокодилово правительство!» — слышатся из толпы восклицания.

Лично чувствую такой подъем и такой прилив радости, что вот обнял бы всех и расцеловал.

Вполне удовлетворенный всем происходящим, снова отправляюсь в исполком для выполнения возложенной на меня работы по проведению в жизнь намеченного плана выступления. К часу дня 25 октября всё необходимое сделано. Десант отправлен, снаряды для крейсера «Аврора» погружены и отправлены. Линейный корабль «Заря Свободы» вытасен на буксирах из гавани и под собственными парами отправлен в Морской канал к месту назначения. Ровно в четыре часа дня в адрес испол-

кома получаем радиотелеграмму, текст которой точно привожу:

«Из действующего флота. Кронштадт, исполком. Привет красному Кронштадту. Эскадренные миноносцы «Самсон», «Забияка» идут вам на помощь. Проследую прямо в Петроград. Озаботьтесь снабжение продуктами.

Центробалт, 25 октября 1917 г.»

После телеграммы чувствуется громадная уверенность, и мы еще энергичнее принимаемся за работу.

Лично мне необходимо было отправить продукты для команд эскадренных миноносцев, прибывших из действующего флота в Петроград.

Распоряжение о погрузке продуктов прямо на буксир «Ермак» отдаю в управление порта по телефону и спустя два часа спешу на Петровскую пристань, чтобы снова отправиться в Петроград.

В девять часов вечера я снова на «Ермаке», меня встречают тот же рулевой и та же прислуга. По их движениям замечаю, что они уже гораздо смелее исполняют необходимую работу по подготовке буксира в поход.

Быстро свертываются в бухты ошвартованные на стенке концы перлиня, рулевой отдал приказание по переговорной трубе в машину, и мы снова пошли в Петроград.

Темное пасмурное небо. Накрапывает дождичек, ветер довольно свежий. Ощущается дрожание палубы от быстрого вращения винта за кормою буксира, слышится поплескивание и шум воды, рассекаемой носом буксира. Закурив «козью ножку» и сделав несколько шагов по палубе, сажусь на машинный кожух у трубы.

Теплый воздух от нагретой трубы, легкое вздрагивание корпуса буксира и равномерное постукивание машины располагают к дремоте... Сокращение хода буксира; силой инерции меня толкает в сторону. Просыпаюсь, выходим на Неву.

Двигаемся к мостам; они разведены, но мы смело проходим их, определенно зная, что здесь проследовали «Аврора» и «Амур» с нашим отрядом кронштадтцев.

Тускло мерцают кое-где огни справа и слева; мрачно вырисовывается в темноте Петропавловская крепость.

Мрачно выглядывает громадное темносерое здание Зимнего дворца справа.

Направляемся прямо к штабу на «Амур». Пристаем к правому трапу. Быстро бегу по трапу вверх и затем спускаюсь в жилую палубу, чтобы отыскать товарища Смирнова. Но вот как раз и он.

— Как дела и что у вас нового? — спрашиваю его.

— Нового очень много, — отвечает Смирнов. — Юнкера сначала хотели сдать дворец. Но когда мы стали высаживать десант, они принялись в нас стрелять из пулеметов. С нашей стороны есть убитые и раненые. Разозлившись на такую подлость, мы приказали «Авроре» дать холостой выстрел из шестидюймового орудия по направлению дворца. С Петропавловской крепости для пущей важности боевым из трехдюймовочки запустили. Как видно, пушечные выстрелы спеси юнкерам немного поубавили. Сейчас снова обещали сдаться. Мы уже послали им ультиматум.

Слышится громкий шум и топание ног наверху. Товарищ Смирнов прерывает свой рассказ, и мы быстро по трапу выбегаем на верхнюю палубу. Замечается оживленное движение на набережной против дворца. «Что такое?» — невольно спрашиваешь себя. Но вот громкие крики «ура» потрясают воздух над сонною Невой.

— Голубчик Смирнов, что это значит? — спрашиваю я товарища.

— Дворец, наверное, сдают нашим, — взволнованно и как-то радостно отвечает Смирнов. У трапа тарахтит приставший мотор. Вижу, кто-то быстро бежит вверх. Но вот он, это посыльный с берега.

— Как дела? — быстро спрашивает Смирнов.

— Дворец сдался. С Дворцовой площади и с набережной наши вошли в него и разоружают юнкеров. Правительство арестовано в полном составе за исключением Керенского, — также быстро и взволнованно отвечает прибывший.

У меня сильно начинает стучать в груди. В глазах мелькают какие-то синие огни. Не помня себя, я бросаюсь на шею к Смирнову.

— Голубчик Смирнов, сдались, сдались крокодилы! В «Кресты» их скорее, в Петропавловку, на место сидящих там наших товарищей, — бессвязно бормочу я.

Смирнов растроган, он также обнимает меня и бормочет что-то непонятное.

Опомнившись немного, бегу по трапу вниз, перескакиваю через мотор на «Ермака» и быстро отдаю приказание рулевому следовать на миноносец «Самсон», прибывший еще вечером из действующего флота. Пристав к трапу «Самсона», пулей вылетаю на верхнюю палубу и тут же натывкаюсь на вахтенного.

— Зимний дворец взят, правительство арестовано, — как бы рапортую вахтенному.

Тот смотрит на меня удивленно, не понимая, в чем дело. Быстро вокруг нас собирается десяток-другой самсоновцев.

— Товарищи, — обращаюсь я к ним, — Зимний дворец взят, правительство арестовано, и я... вам продуктов привез, — как-то смешно выпаливаю я всё сразу.

Громкое «ура» покрывает мои слова, и меня пробуют качать. Подбросив раза три, опускают на палубу. Я поблагодарил за такое приветствие и обратился к вахтенному с просьбой скорее освободить «Ермак» от продуктов. На мою просьбу товарищи обратили внимание сейчас же. Через десять минут буксир свободен. Бегу вниз, отправляемся на пристань к Смольному. Высадившись уже не на баржу, а прямо на пристань, бегом отправляюсь в Смольный.

В штабе революции — Смольном происходило непрерывное движение людских потоков. Поминутно приходили и уходили отряды, команды, патрули и дозоры. Прибывали делегаты с фронта, делегаты II Всероссийского съезда Советов, делегации полков и армий, представители районов, заводов, пригородов.

Вокруг здания Смольного стояли орудия, пулеметы, броневики, автомобили. В ожидании распоряжений во дворе у костров грелись матросы, солдаты и рабочие. Дымились походные кухни. Приезжали грузовики с литературой, винтовками, продовольствием.

Из дверей выбегали связисты-мотоциклисты и, заводя машины, с бешеной скоростью мчались в районы.

Всё происходившее в то время у здания Смольного и в Смольном было чрезвычайно ответственным и важным, потому что оно являло собой организованное выполнение грандиозного плана осуществления Великой Октябрьской социалистической революции.

Со своей стороны, имея необходимость скорее попасть на заседание II Всероссийского съезда Советов, быстро иду к подъезду, предъявляю документы и поднимаюсь во второй этаж в зал заседания съезда.

Попадаю уже на открытое заседание. Принимается предложенная тов. Луначарским от фракции большевиков резолюция о государственной власти. К резолюции с исправлением принимаются некоторые поправки, предложенные другими фракциями съезда.

Небольшая группа меньшевиков, бундовцев и правых эсеров, видя, что их песенка спета, покидают зал заседания; на них никто не обращает внимания.

Голосуются и принимаются почти единогласно резолюция, объявляющая от имени съезда о переходе всей власти в руки Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

После принятия резолюции слово предоставляется представителю Военно-революционного комитета тов. Антонову, который докладывает о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства. Доклад представителя Военно-революционного комитета вызывает бурные аплодисменты всего состава съезда.

Вскоре затем, в три часа тридцать минут 26 октября (по старому стилю), объявляется перерыв.

В результате победы вооруженного восстания в Петрограде вся власть перешла к II Всероссийскому съезду Советов, который уже 26 октября принял декреты о мире, о земле и избрал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров.

Председателем первого Совета Народных Комиссаров был избран Владимир Ильич Ленин.

Кронштадтцы и моряки Балтийского флота приветствовали II Всероссийский съезд Советов, его декреты и решения. «Наши пушки к вашим услугам», — заявили Советскому правительству представители Кронштадта и Балтийского флота.

* * *

При выходе из Смольного, у самого подъезда, я совершенно неожиданно встретил Семена Рошала.

Тов. Рошаль только что был освобожден из государственной тюрьмы «Кресты», где он сидел арестованный прокурором Временного правительства с 15 июля

1917 года за руководство вооруженной демонстрацией кронштадтцев в Петрограде 3—5 июля 1917 года. Поздоровавшись с тов. Рошалем, я поспешил рассказать ему о положении в Кронштадте и об участии кронштадтцев в свержении Временного правительства. Выслушав меня внимательно, он попросил перевезти его в Кронштадт, на что я охотно согласился.

От подъезда Смольного мы направились на Смольнинскую пристань и на буксире «Ермак» вышли в Кронштадт.

По дороге тов. Рошаль рассказал мне подробно о своем пребывании в тюрьме. Так как тов. Рошаль пользовался громадной популярностью и был любимым пропагандистом среди матросских масс в Кронштадте, то я не упустил случая предложить ему побывать мимоходом на линейном корабле «Заря Свободы». Тов. Рошаль на мое предложение охотно согласился, после чего я приказал рулевому следовать в Морской канал и пристать к правому трапу линейного корабля.

С шумной радостью встретила нас команда корабля, немедленно на верхней палубе, под руководством комиссара корабля тов. Колбина, был организован митинг всей команды.

На митинге тов. Рошаль подробно рассказал о значении Октябрьской социалистической революции, а я рассказал о выступлении кронштадтцев в Петрограде, взятии Зимнего дворца, аресте Временного правительства и о решении II Всероссийского съезда Советов, касающегося государственной власти.

С громадным подъемом и радостью выслушали матросы мое сообщение о постановлении II Всероссийского съезда Советов — принятии всей власти Советами Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

После митинга, угостив товарищеским завтраком и чаем, нас торжественно проводили на буксир.

В Кронштадт мы прибыли около одиннадцати часов утра 26 октября.

Кронштадт, 26 октября 1917 года

Вечером президиумом исполкома был получен приказ Военно-революционного комитета из Смольного, текст которого полностью привожу:

«Кронштадтскому исполкому.

Предлагается немедленно сформировать дополнительный отряд в количестве 3500 штыков, по возможности отряд сформировать из матросов. Отряду надлежит немедленно же по сформированию под командою надежного товарища члена РСДРП(б) направиться в Старый и Новый Петергофы, разоружить оставшиеся группы юнкеров и, заняв позиции на перекрестке Волхонского и Царскосельского шоссе, ждать дальнейших распоряжений.

*Военно-Революционный Комитет Петроградского
Совета Р и СД. 26 октября 1917 года».*

Президиум исполкома дополнительный отряд поручил сформировать мне. Исполняя поручение исполкома, я немедленно разослал телефонограммы во все воинские части гарнизона, предлагая представителям комитетов частей к десяти часам вечера явиться безотлагательно в здание Кронштадтского Совета на совещание.

На состоявшемся в тот же вечер совещании подробно был разработан план формирования отряда. Численно — согласно раскладке, установленной на совещании, — отряд должен был состоять из 4000 человек.

Команды должны были собраться 27 октября в шесть часов утра на Петровской пристани. Бойцы должны были иметь по 50 боевых патронов и продовольствие на двое суток каждый в отдельности.

С отрядом отправлялся артиллерийский взвод 2-го Кронштадтского артиллерийского полка с двумя трехдюймовыми полевыми пушками и шестью пулеметами.

После совещания отдаю приказание по телефону командиру порта Ермакову о сосредоточении всех пловучих средств на Петровской пристани к шести часам утра 27 октября.

Кронштадт, 27 октября 1917 года

В 5 часов 30 минут я пришел на Петровскую пристань. Команды собирались дружно, приблизительно в 6 часов 30 минут утра все команды, назначенные накануне, были на пристани. Не теряя времени, около семи

часов утра от имени исполкома я открыл митинг. Настроение собравшихся команд было весьма бодрое.

Открывая митинг, я сообщил собравшимся некоторые касающиеся отряда дополнительные решения военно-технической комиссии, а именно:

1. Отряд назвать «Дополнительным Кронштадтским сводным отрядом».

2. Назначить командиром отряда тов. Зуева, матроса с учебного корабля «Океан».

3. Назначить командиром артиллерийского взвода тов. Гредюшко, прапорщика-артиллериста с форта Ино.

4. Командиры батальонов, рот и взводов назначаются товарищами Зуевым и Гредюшко по их усмотрению.

5. Небольшая группа отряда (по усмотрению тов. Зуева) высаживается для разоружения остатка юнкеров в Старом Петергофе, главные же силы отряда высаживаются на станции Лигово.

После моего сообщения на митинге от имени Кронштадтского комитета РСДРП(б) выступил пришедший на пристань тов. Рошаль. «Товарищи, — обратился он к отряду, — среди арестованного Временного правительства не оказался арестованным Керенский. Этот прохвост, вероятно, устроит нам какую-либо пакость и наверное постарается обратиться к помощи неосведомленных об Октябрьской революции воинских частей. Наша партия и Военно-революционный комитет Петроградского Совета возлагают на вас почетную задачу — защиту подступов к сердцу пролетарской революции — Петрограду, защите Советского правительства. Выполним эту задачу с честью.

Да здравствует социалистическая революция!

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует партия большевиков!

Да здравствует товарищ Ленин!»

Слова любимого матросского трибуна вызывают бурные аплодисменты и крики «ура» со стороны всего состава отряда.

При закрытии митинга я обратился к присутствующим с просьбой о поддержании всем составом отряда строгой революционной дисциплины и предложил поторопиться с отправкой на назначенные позиции.

В этот же день, после отправки отряда, президиум исполкома снова предложил мне отправиться в Смоль-

ный и доложить Военно-революционному комитету о состоянии ушедшего на боевые позиции Дополнительного Кронштадтского сводного отряда.

В Смольный я прибыл около двух часов дня. Так как представителей воинских частей в Военно-революционном комитете было много, то мне пришлось ожидать очереди, несмотря на срочное донесение. Разговаривая с тов. Подвойским и другими членами Военно-революционного комитета, которые живо интересовались состоянием сформированного Дополнительного Кронштадтского сводного отряда и вообще настроением кронштадтцев в целом, я увидел подходившего к нам товарища Ленина. Образ Владимира Ильича резко запечатлелся в моей памяти еще со дня встречи его кронштадтской делегацией на Финляндском вокзале 3 апреля.

Товарища Ленина я узнал сразу же при входе его в помещение. Владимира Ильича, очевидно, заинтересовало присутствие матроса, и он, видимо, хотел спросить о Дополнительном Кронштадтском сводном отряде (формирование которого, как выяснилось после документально, было его личным желанием). Положив свою руку на мое плечо и смотря прямо в глаза, товарищ Ленин спросил:

— Вы, вероятно, из Кронштадта и знаете что-либо о том дополнительном отряде кронштадтцев, который должен быть выслан для защиты подступов к Петрограду.

— Формировать этот отряд пришлось мне, товарищ Ленин, если хотите о нем можно дать самые подробные сведения, — отвечал я.

— Подробных сведений мне не нужно, — сказал Владимир Ильич, — я знаю, что такое моряки Балтийского флота и что они сделали за это кратчайшее время, в эти два-три дня... Помните, — обратился ко мне товарищ Ленин, — кронштадтцы сделали очень много, но им, возможно, предстоит сделать еще больше теперь, в момент отчаянной борьбы.

Повернувшись, Владимир Ильич вышел в помещение секретариата Военно-революционного комитета.

Считаю необходимым отметить то впечатление, которое произвел на меня товарищ Ленин этим своим коротким разговором.

Вследствие напряженной работы за последние три-

четыре дня, чувствовалась сильная переутомленность. Уверенный тон и спокойный строгий взгляд Владимира Ильича придали мне новую энергию.

О таком же впечатлении мне приходилось слышать от многих рабочих, солдат и матросов, работавших тогда в Смольном и встречавшихся с товарищем Лениным.

На всю жизнь врезалась в мою память встреча с великим стратегом социалистической революции — Владимиром Ильичем Лениным в те незабываемые дни, в Октябрьские дни 1917 года.

